

Багно Н.

Первая разведка

В августе, когда на юге Украины стояли особенно знойные дни, кавалерийский отряд Москаленко после боев с петлюровцами остановился на отдых в моем родном селе Павловске.

Не успели красноармейцы привести себя в порядок, как разведчики донесли штабу, что верстах в пятидесяти от Павловска, в деревне Низовье, банда атамана Грищука сожгла дом волостного Совета, повесила уполномоченного продотряда и порубила всех продотрядовцев — двенадцать красноармейцев.

Наши лошади были так изнурены походами, что, казалось, не могли и тронуться с места. Устали и бойцы. Поставив лошадей у коновязи, они тут же валились с ног и засыпали мертвым сном.

Вдруг трубач заиграл тревогу.

— Седлай! По коням!

Я быстро вскочил на своего Орлика и подъехал к вестовым, стоявшим позади командира отряда.

Москаленко всматривался в усталые, сонные лица бойцов. Остановив свой взгляд на мне, он тихо проговорил:

— Сережа! Останешься здесь, при дежурном.

От этих слов я так покраснел, что почувствовал, как огнем загорелись уши. Я не любил, чтобы меня выделяли из всех. Ведь мне уже шел пятнадцатый год.

— Не останусь, — упрямо возразил я.

Москаленко укоризненно покачал головой и, не желая меня обидеть, продолжал:

— Нужно слушаться, сынок. Ты обессилел совсем.

— Слушаюсь, — недовольно ответил я, тронул лошадь и отъехал к коновязи.

Командир привстал на стременах и отдал команду. Отряд по трое вытянулся за ним и через несколько минут скрылся в клубах густой пыли.

Мне стало обидно. Почему не взяли меня?

Я простоял в раздумье несколько минут, потом ушел за коновязь в кустарник, как сноп свалился на землю и тотчас же заснул.

Разбудил меня ласковый голос тети Маши, санитарки отряда:

— Вставай, Сережа, простынешь: земля тут сырая. Я с трудом открыл глаза.

— Есть, поди, хочешь? Иди на кухню. Я оставила тебе там. День клонился к вечеру.

Повеяло прохладой.

— Сережа! — крикнул мне дежурный. — Собери ребят и отправляйся на речку лошадей поить. Заодно и выкупай.

— Иду!

Я вбежал на кухню, наскоро поел, напился воды и бросился на улицу.

У церкви, на поляне, играли в кости деревенские ребята. Это были мои сверстники, я хорошо их знал. С тех пор, как я осиротел и ушел в отряд, прошло уже более полгода. Мне казалось, давно я не виделся с приятелями.

Заложив пальцы в рот, я свистнул. Ребята не заставили себя долго ждать. Шумной толпой, толкаясь и обгоняя друг друга, они сбежались ко мне.

— Сережка приехал!

— Здорово!

— Дрался, а? — тяжело дыша от быстрого бега, спросил Алешка, сын звонаря, поправляя рваные, в разноцветных заплатах, штаны и такую же рваную вылинявшую рубаху.

— Конечно, дрался. Что же еще делать в отряде? — я с чувством превосходства посмотрел на ребят.

— Расскажи, как дрались, — попросил Андрей, по прозвищу Птицелов.

— Некогда сейчас, надо лошадей купать. Ну, кто со мной?

— Сережа, слышал? — вдруг таинственно заговорил Мишка-турок. Его горбатый нос зашевелился. — На наше село банда Грищука идет. Сегодня ночью здесь будет.

— Как бы не так! А наш отряд-то на что! — возразил я спокойно. — Ну, пошли, уже темнеет.

Разобрав лошадей, мы шагом направились к речке.

Вечерняя заря пылала, отражаясь в зеркальной поверхности воды. На плесе то и дело выпрыгивали на поверхность мелкие рыбешки, где-то в камышах галдели гуси.

Очарованные красотой речной глади, мы остановились, но лошади настойчиво тянулись к воде: их одолевала сильная жажда.

Вдруг мы услышали выстрел, за ним другой, третий.

Лошади вздрогнули и наострили уши.

— Бандиты! Я ж говорил, — забеспокоился Мишка-турок.

Ребята встревожено переглянулись.

— Это не банда. Давайте купаться, — я спрыгнул с коня и стал быстро раздеваться.

Молча, настороженно прислушиваясь, мы наскоро искупали лошадей. Тронулись. На лицах друзей я заметил волнение и на всякий случай повел их другой дорогой.

Где-то на том берегу раздался еще один выстрел. словно искра пробежала по коням, они тревожно заржали.

Вороной жеребец, на котором сидел Мишка-турок, вдруг резко вырвался вперед, за ним понеслись и остальные. На полном карьере влетели мы в село.

Когда мы скакали мимо дома, где находилась телефонная станция, раздался звонки тревоги. В домах поспешно гасили свет. Заслышав топот наших лошадей, люди разбежались в разные стороны. Улица словно вымерла.

Было ясно, что нас приняли за бандитов. Местная милиция и чоновцы¹ открыли стрельбу.

Из штаба выбежал взволнованный дежурный. Увидев меня с ватагой ребят, он сразу понял, в чем дело.

— Это ты, озорник, натворил!

Я молчал. Лошади фыркали, весело мотали головами и тянулись к коновязи, где в кормушках лежал овес.

— Марш отсюда! — зло закричал на ребят дежурный.

Ребята посыпались с лошадей, как горох, и бросились наутек. Стрельба продолжалась.

— Как же теперь объяснить начальству? — хмуря брови, пробурчал дежурный.

— Мы только быстро скакали... — еле выговорил я в свое оправдание.

— Скакали, скакали, вот и наскакали. А если бы по вас пулеметом... Смотри, темь какая...

Зазвонил телефон. Дежурный побежал к аппарату.

— Нет, нет! — слышалось в открытое окно. — Наш Сережа. Да с местными мальчишками!.. Случайно, товарищ начальник. Слушаюсь!

«Обо мне говорят», — подумал я и бросился к коновязи привязывать лошадей.

Непрерывные звонки не давали ни минуты покоя. Люди переполошились не на шутку, а во всем виноват я.

Вдруг я увидел начальника особого отдела Волкова. Высокий, сухощавый, всегда мрачный на вид, он внушал некоторым бойцам страх. Волков быстро вошел в здание штаба.

— Сережа, начальник зовет! — крикнул в окно дежурный.

Через минуту я предстал перед Волковым.

— Ты что натворил? — закричал он вне себя от гнева, ^* Так всех вас могли перестрелять, глупец!

Краска залила мое лицо.

— Нечаянно получилось, — голос мой дрожал от волнения. — Простите...

Моя попытка оправдаться еще больше рассердила Волкова.

— Иди с глаз моих долой, чтобы я тебя больше не видел здесь.

Не помня себя от обиды, я выскочил во двор. «За что ж он из отряда гонит? — я с трудом сдерживал слезы. — А может быть, это он только так, в горячке сказал?»

— Сережа! — вдруг услышал я голос дежурного. Зовут. Зачем? Наверное, посадить на гауптвахту хотят.

Не раздумывая больше, я опрометью бросился со двора и побежал куда глаза глядят.

Остановился я у ветхого домика, присел на завалинку и задумался. Куда же идти? Без отряда мне нельзя. Он стал мне домом, а командир — словно родным отцом. Отправиться в другой отряд — меня могут не взять, да и где его искать? Ждать командира? Он-то, может быть, и простит меня, но где теперь отряд? Бывало, что он неделями не появлялся в районе, где размещался штаб.

Так я просидел в мучительном раздумье до глубокой ночи.

И вдруг меня осенила мысль: пойду-ка я в разведку, искать банду Грищука! Переоденусь нищим и буду ходить по селам. Познакомлюсь с ребятами, от них кое-что узнаю о местных бандитах, а там, глядишь, и на след Грищука набреду.

Одна мысль за другой возникали в моем усталом мозгу, Я так увлекся своими мечтами, что вообразил себя уже героем. Вот я поймал Грищука, привел его в штаб, обезоруженного, связанного, а Волков, узнав о моем подвиге, так обрадовался, что даже расцеловал меня и подарил свои часы. Признаться, я тогда мечтал о часах.

Повеяло прохладой. Озноб пробежал по моей спине. Голова стала свежее. Радуюсь тому, что найден выход из положения, я встал, вынул из кобуры наган, полюбовался им и сунул за пазуху гимнастерки. Снятый ремень с кобурой забросил подальше в кусты и тихонько направился во двор штаба.

Дневальный сладко спал на седлах. Крадучись, я подобрался к своему Орлику. Он сунул мне под мышку свою голову и тяжелодохнул. С горечью я обнял его за шею, поцеловал и побежал на улицу.

Не знаю почему, но я очутился у домика за церковной оградой, где жил Алешка-звонарь. Он был помягше других ребят, относился ко мне всегда с каким-то особым вниманием, и я уважал его больше всех.

Настойчиво постучал я в окно. На стук вышел сам звонарь, старик лет семидесяти.

— Диду, дайте мне Алешкины штаны и рубашку!

Он посмотрел на меня испуганными глазами.

— Ась? Не слышу, сынок..,

«Притворяется, наверное», — мелькнуло у меня в голове. Но, тут же в дверь высунулась голова Алешки. Хрипло залаял старый кудлатый пес и яростно бросился к моим ногам. Я выхватил из-за пазухи револьвер и замахнулся на него. Пес отскочил в сторону. Захлебываясь лаем, он вновь бросился ко мне, стараясь укусить. Я разозлился и, срывая зло, вдруг наставил револьвер на Алешку:

— А ну, неси свои штаны, рубашку. Быстро!

Алешка настолько растерялся от моего грозного окрика, что не мог выговорить ни слова. Он никогда не видел меня таким злым.

— Ну, чего боишься? Взамен возьми мою одежду, — уже спокойнее сказал я, расстегивая пуговицы гимнастерки. Алешка юркнул в дом.

— На вот, — сказал он, отдавая мне сверток с одеждой, — А твою не надо!

— А мне куда ж ее? — раздражаясь, возразил я. — Возьми, не порви только. Сапоги тоже береги.

Я быстро начал переодеваться.

«Да! Мешок тоже ведь нужен».

— Неси мешок! — сказал я Алешке. — Не бойся, отдам! Да смотри, никому из ребят

ни гу-гу. Так нужно, понимаешь?

Алешка закивал головой.

Я сунул револьвер за пазуху и решительно вышел на дорогу.

Стало уже светать, когда я очутился за селом.

«Пойду-ка прямо межами. Подальше от дороги безопасней». Я ступил на мягкую, покрытую блестящими росинками холодную траву. Ноги сразу стали мокрыми, по телу пробежала дрожь. Поеживаясь от холода, я ускорил шаги и стал немного согреться. Шел все вперед и вперед, уже ни о чем не думая.

Так прошло несколько часов. Поле уже было залито лучами высоко взошедшего солнца. Надо мной пролетела стая уток. Я остановился и тотчас же почувствовал сильную усталость. Тело горело, побаливала голова.

«Отдохну часок в балке, а потом опять пойду, — опускаясь на траву, решил я. — Все равно узнаю, где банда Грищу-ка. Умру, а без сведений не вернусь!»

Вдруг надо мной что-то с шумом пронеслось. На мгновение меня обдало сильным ветром. От неожиданности я вскочил. Огромная птица парила в воздухе. Ястреб! Ох, какой огромный. Почему он кружится тут? Может быть, близко деревня или село? Оглянувшись вокруг, я обомлел. Прямо на меня по балке мчались два всадника.

«Наверное, бандиты. Бежать!» — мелькнуло у меня в голове, но я не тронулся с места. От верховых не убежишь. С возрастающей тревогой смотрел я на приближающихся всадников.

Куда деть оружие? Обнаружат — тогда погиб. И я почувствовал, как кровь горячей волной прилила к моим щекам.

На полном галопе всадники резко осадил лошадей.

Один из них, худой, с изрезанным шрамами лицом, подозрительно сощурил глаза. Синяя казацкая черкеска висела на нем мешком.

— Откуда ты здесь взялся? — строго спросил он.

Я молчал.

— Ты чей? Отвечай! — сердито крикнул другой, в серой лохматой шапке, черный, как цыган. Глаза его точно кололи меня. Я вздрогнул.

— Нищий, из голодающей губернии, — тихо ответил я.

Признаться, тут я совсем перепугался. И вот отчего. Не так давно в нашем отряде произошло неприятное событие: сбежал бывший бандит Васька Коробко.

Месяца три тому назад Коробко вышел из банды и явился в наш отряд с повинной, раскаиваясь в своих преступлениях против Советской власти. Его простили. Оказалось, что Коробко только притворялся.; Возможно, что он пришел в наш отряд по заданию главарей банды, с целью разведки. Враги всегда принимали меры к тому, чтобы иметь своих шпионов в наших воинских частях.

Но особенно поразило всех нас, что с ним вместе бежал в банду один из лучших красноармейцев, пожилой донбасский шахтер Михаил Кудрявый. Его побег оставался для всех загадкой. Особенно мучительно переживал это я: дядя Миша всегда был со мной ласков и заботился обо мне, как отец.

Все это я вспомнил, стоя перед бандитами. А что, если они меня схватят и увезут к себе, а там окажется Васька Коробко? Он сразу меня узнает. Тогда и подавно конец....

Но, очевидно, мой перепуганный и совсем не воинственный вид успокоил бандитов.

— Наихалы, москали чертови, и болтаетесь тут! Из якого села идешь?

— Оттуда, — показал я рукой в сторону. — Солдат бачив?

— Нет, не видел. Я нищий, хлеба прошу, — захныкал я жалобно, стараясь увильнуть от дальнейших распросов.

— Смотри у меня! — бандит взмахнул плеткой. — Если встретишь солдат, не говори, что конных видел.

— Тронули! — оба хлестнули лошадей и ускакали.

Я смотрел им вслед. Это, наверное, разведка Грищука! Пойду за ними, пока трава еще

мокрая и на ней видны следы лошадиных копыт.

Я бодро зашагал вперед. Часам к восьми утра по следам я вышел к богатым, красивым усадьбам немецкой колонии.

В колонии царила тишина. Длинная широкая улица была пустынна. Не было видно и бандитов. «Не наткнуться бы на них!» — я свернул к садам.

Рядом слышались легкие шаги, я повернул голову и увидел пристально смотрящего на меня человека.

— Ты почему здейсь, на мой усадьб гул лишь? — спросил он. «Хозяин, наверное», — сообразил я и тотчас же, съежившись, затаил жалобным голосом:

— Я голодающий, нищий! Хлеба нет у вас?

У немца было широкое, чисто выбритое лицо. Рыжие усы торчали хвостиками вверх.

Он посмотрел на меня и, презрительно передернув плечами, ответил:

— Даром нет, работайть надо! Ты есть большой хлепец!

— Я голодный, дядя! — опять протяжным голосом сказал я, стараясь вызвать в нем жалость к себе. Тут я вправду почувствовал голод и сухость во рту.

— Харч ньет! — повторил немец, отвернулся и пошел к строениям.

Я осмелился и крикнул ему вслед:

— Хозяин, а хозяин! А работа есть?

Он лениво обернулся, тронул пальцами кончики усов и, помедлив, с легкой усмешкой ответил:

— Работайть там иди, к фрау Криц. Там иди! — он взмахнул большой рукой в неопределенном направлении.

Мысленно я ругнул немца, но, тотчас же, решительно двинулся по улице к центру колонии. Буду искать работу, так лучше. Два-три дня среди людей, и потом дальше. Все равно узнаю, где бандиты.

Из-за угла дома показалась празднично одетая девушка.

Я спросил ее:

— Скажите, где живет фрау Криц? Я работу ищю!

— Криц? Ферма там...

...Фрау Криц держала в руке небольшую соломенную корзинку и, улыбаясь, рассматривала крохотных цыплят; ее смуглое лицо с сильным румянцем на щеках дышало свежестью и здоровьем.

Узнав, зачем я пришел, фрау Криц приветливо закивала головой и усадила меня за стол.

— Сначала надо кушать.

Это было как раз кстати. Покончив с едой, я вышел из-за стола.

— Спасибо, фрау. Покажите, что нужно делать на ферме.

— Ты не можно работайть. Ты есть больной. Надо отдыхать! — взяв меня за руку, женщина слегка толкнула меня в другую комнату и показала на диван.

— Спи, — добродушно глядя на меня, повторила фрау Криц и вышла, закрыв за собой дверь.

Я не мог понять, почему фрау Криц так участливо отнеслась ко мне.

Из сада в открытое окно повеяло запахом цветов и лип. Я почувствовал сильную усталость. Меня клонило ко сну. Наверное, сказывалось все пережитое мною за последние сутки. С трудом я передвинул ноги к дивану, лег и тотчас же уснул крепким сном.

Часа через два я проснулся и вышел в первую комнату. Фрау Криц кивнула головой на стул:

— Садись!

Она взяла мой мешок и стала наполнять его хлебом, сухарями и даже положила кусок сала.

— Ню, что ж, — обратилась она ко мне, — еще палька надо руки брать! Так нищи ходить! А так не можно: атаман пук, пук!

Я удивленно смотрел на нее, еще не понимая, к чему она клонит.

— Бандит здесь у Хайцер гулял ночь и теперь поехали по дороге туда, — она махнула рукой в сторону, высываясь из окна. — Ты зольдат! Я видаль тебя на лешадь! — и в глазах ее зажглись лукавые искорки.

Я был разоблачен. Где же она могла меня видеть? И вдруг вспомнил: совсем недавно наш эскадрон стоял где-то поблизости от этой усадьбы. Так, значит, это она прошла тогда мимо меня с корзинкой в руках.

Все пропало, все! Скорее уходить! Я сделал движение к выходу, но она меня удержала:

— Меня не надо бояться!

Фрау Криц положила на мою голову свою пухлую тяжелую руку и взглянула мне в глаза.

— Желаю тебе удачи, — тихо прошептала она. «Уж не ловушка ли это?» Я заторопился.

— Спасибо, фрау Криц. Пойду. Пора!

Надо было немедленно уходить отсюда. Казалось, что меня здесь все знают и усмеются вслед. Но ведь меня могут узнать и в других селах. В отряде я был один такой подросток, и где бы отряд ни останавливался, на меня, конечно, обращали больше внимания, чем на других красноармейцев.

Так рассуждал я, продолжая свой путь.

Солнце было уже близко к закату. Вдали показалось большое село. Белые хатки проглядывали через зеленую листву садов. На голубом небе четко вырисовывались стройные темно-зеленые вершины тополей. Скрип арб и отдаленные голоса заставили меня насторожиться. Я быстро свернул в сторону и спустился в лощину. Передо мной засверкала гладь небольшого озера. Крякнула и проплыла утка, оставляя за собой полоску водяной ряби, где-то плеснула рыба.

Мне захотелось пить, и я зашел к воде. Вдруг что-то зашуршало у моих ног. Я увидел большую зеленую лягушку. Ее огромные выпуклые глаза смотрели на меня в упор.

Я замахнулся на нее палкой. Лягушка квакнула и прыгнула мне на ногу. От неожиданности и прикосновения ее холодного и скользкого тела я подпрыгнул и, потеряв равновесие, упал в грязь.

Я поднялся и шагнул к воде, чтобы умыться, но берег озера был настолько вязок, что при каждой попытке сделать шаг вперед ноги мои глубоко погружались в хлюпающую топь.

Кое-как я все же смочил руки и лицо, но после такого умывания не стал чище.

Что же мне делать?

И вдруг блеснула мысль: «Да ведь это очень хорошо. В таком виде меня никто не узнает». Перебросив палку через плечо, я бодро зашагал к селу.

Это было большое торговое село Дубрава. Я сразу узнал его. Здесь мы были однажды с отрядом. Оно стояло на стыке двух проезжих дорог. Одна из них вела к уездному городу, другая — к шахтерскому поселку. В центре села на площади возвышалась огромная трехглавая церковь, вокруг которой рядами тянулись каменные магазины и лавки. Тут же красовались купеческие дома на высоких фундаментах.

На южной окраине села чернел сосновый лес. Он тянулся ярами близ реки Самарки, заросшей камышами, с топкими болотистыми берегами,

Отряду было известно, что бандиты здесь бывали не один раз.

В нерешительности я остановился у ветряной мельницы. К кому идти, где ночевать?

Вдруг я услышал мычание коров, где-то близко щелкнул пастушеский кнут. Я оглянулся.

В облаке пыли к селу приближалось огромное стадо.

Буду за стадом пробираться к площади. «Свет не без добрых людей», — вспомнил я пословицу, которую часто при жизни повторяла моя мать, и нырнул в самую гущу пыли.

Так я двигался со стадом к самому центру села.

У площади стадо поредело. Осела пыль, стало светлее. Не заметно никакой тревоги, все тихо кругом.

Да, бандитов, наверное, в селе нет. Я подошел к крыльцу большого дома и присел на ступеньки.

Из открытого окна полились мягкие звуки фортепиано, и тотчас же донесся веселый женский смех, звон посуды, беготня. Уж не Гришука ли ждут?

«Чей же это дом? — силится вспомнить я. — Ах да, ведь это дом попа» — и тут же почувствовал на себе чей-то взгляд. Я поднял голову. Из открытого окна на меня смотрела белокурая девица.

— А, вот и гость! — насмешливо сказала она. — Да, еще какой нарядный, весь в заплатках!

Раскатисто-издевательский смех заставил меня подняться с места. Я пересек площадь и вышел на ровную улицу. Мое внимание привлек маленький, аккуратный домик, весь в зелени, обнесенный палисадником. В открытое окно был виден огонек.

«Пойду туда, попрошусь переночевать».

Почему именно к этому домику потянуло меня, не знаю, но я смело подошел к палисаднику, наклонился через ограду и тихо постучал в окошко.

— Кто там? — в окне показалась седая голова старушки.

— Я стучал, бабушка!

— Что тебе? Ты чей, — спросила старушка мягким, ласковым голосом.

— Я сирота, бабушка, может, переночевать пустите? Голодающий, из России я!

— Россиянин? — переспросила старушка. — Ну... Постой, я открою тебе.

Старушка вышла, внимательно осмотрела меня.

— Боже мой, как ты худ и оборванный какой! Ну, иди, иди в хату.

Я пошел за ней.

— Вот садись на скамеечку. Вшей-то полно, небось?

— Нет, бабушка, я чистый.

— Чистый! А ноги, боже мой! Костюм-то на тебе, как у скомороха.

Я разглядывал старушку. Лицо ее было белое, почти без морщин. Глаза кроткие, большие, серо-голубые. Одета она была по-городскому.

— Ну, ладно уж, оставлю тебя. Вот только вымой ноги и лицо, — она взяла с полки таз и налила в него воды.

Серый большой кот прыгнул с печи и подошел ко мне, помахивая хвостом, мурлыча и ласкаясь у ног.

— Мурзик, — сказала бабушка, — ты уже к гостю ластишься, шалун такой.

Я погладил кота.

— Ну, что ж ты? Садись, мой ноги!

Я растерялся. Мыть ноги и лицо в мой план не входило.

— Мне не надо, бабушка, мыть, я так...

— Как же это так не надо? — удивилась она. — Смотри, грязь какая.

— Нельзя! — вырвалось у меня.

Уловив в моем голосе нотки горечи, старушка выпрямилась и пристально стала разглядывать меня, словно пытаясь что-то прочесть на моем лице. Я тоже молча смотрел в ее глаза.

Наконец она строго спросила:

— Зачем же тебе нужна грязь на ногах и лице?

Я смутился, покраснел, но тут же спохватился, быстро пододвинул к себе таз с водой и принялся мыть ноги.

— Ну, вот и хорошо. А теперь садись за стол. Я тебя накормлю. — В ее голосе слышались нотки недоумения, смешанного с недоверием.

Я пожалел о том, что сболтнул лишнее, и, стараясь скрыть свое смущение, принялся за еду.

Старушка по-прежнему пристально смотрела на меня. Потом тихо заговорила:

— Россиянин, говоришь? А из какого же ты места? Кто твои родные?

— С Сибири! Мать и отец умерли!

— Из Сибири?! — с удивлением переспросила старушка, высоко подняв брови. На лбу у нее легли тоненькие поперечные морщинки.

— Кто ж родные твои, детка? — помолчав, снова спросила она.

— Папа — доктор, а мама — учительница...

— Господи, учительница! — как-то растерянно повторила она, и щеки ее слегка задрожали.

Я перестал есть и вопросительно посмотрел на старушку. Она быстро оправилась.

— Ешь, ешь. Это я так. Я тоже жила в Сибири и тоже учительствовала!

Она погладила меня по голове.

— Какие у тебя кудряшки хорошие.

От прикосновения ее руки я вздрогнул. «Как родная жалеет меня. Хорошая она».

— Круглый сирота, голодающий. Сколько еще кругом несчастья! — проговорила старушка тихим, грустным голосом.

— Бабушка, а бандиты в вашем селе бывают? — вдруг обрывая ее, спросил я. Она насторожилась и, побледнев немного, вопросительно уставилась на меня, но тут же отвернулась. Я понял, что мой вопрос вызвал у нее какое-то подозрение, и, стараясь исправить впечатление, продолжал:

— Боюсь я бандитов, бабушка! Сегодня в балке у немецкой колонии видел двух. Страшные такие, в черкесках!

Старушка сделала вид, что не расслышала моих слов и молча принялась стелить мне постель на полу у стены.

— Ложись, детка, а завтра поговорим! Хочешь, останься у меня, учиться будешь. А сейчас спи! Лицо-то у тебя совсем позеленело.

Я поблагодарил бабушку. Незаметно передвинул за пазухой револьвер под бок и лег. Под одеялом мне стало тепло, и я сразу забылся.

Под утро я очнулся с какой-то неясной тревогой на душе. Стучало сердце. Я прислушался: было тихо. Село спало, спала и старушка. С чего это я так волнуюсь?

Вдруг я отчетливо услышал лошадиный топот, бряцание оружия. Кто-то выругался. Фыркнула лошадь.

— Стоять! — проговорил чей-то глухой голос.

Я вскочил и бросился к окну.

Рассветало. У дома стояли несколько всадников. Один из них быстро соскочил с коня и подошел к калитке. Я отпрянул от окна и поспешно лег на свое место. Раздался сильный стук. Заскрипела калитка.

— Кто там? Кто? — послышался дрожащий голос старушки. Она встала и зашаркала по полу ночными туфлями.

— Открывай!

— Неужели конец? — прерывающимся голосом сказала старушка.

Бандиты! Рука моя очутилась за пазухой. Пальцы нащупали курок. «Буду стрелять!» От этой мысли жар охватил все мое тело.

«А как же стрелять? Их много, они схватят меня, тогда и бабушке несдобровать. Нет, лучше спрячу», — я быстро подтянул к себе лежащий у ног мешок, вынул из-за пазухи револьвер и зарыл его среди кусков хлеба. Мешок завязал и забросил под стол.

Дверь распахнулась. Я выглянул из-под одеяла и чуть не вскрикнул. Через порог перешагнул тот самый худой бандит в черкеске, которого я вчера утром видел в балке. Я прижался к подушке. Тотчас же вошел второй человек. Он был в офицерском кителе, с портупеей через плечо, в защитной фуражке, окаймленной желтым кантом. На фуражке выделялся золоченый значок «трезуб». «Офицер!» — подумал я. Он строго посмотрел на

старушку и надменно спросил:

— Вы Самарченко Ольга Ивановна? Старушка побледнела.

— Вы ошиблись! Я Головина, — стараясь быть спокойной, ответила она.

— Это ваша кличка, — зло усмехнулся он. — А мы знаем вас как известную большевичку Самарченко. Извольте следовать за мной! — и, круто повернувшись к другому, в черкеске, крикнул: — Взять! Обыскать квартиру!

Вошел третий, молодой, в форме студента, весь опоясанный ремнями с патронами. Он подошел к книжной полке и стал рыться в книгах.

— А это кто? — с нарастающим раздражением в голосе спросил офицер и стал пристально разглядывать меня.

Кровь прилила к моему лицу. Я заволновался.

— Нищий я.

— Нищий? Откуда? — с недоверием переспросил он.

— Голодающий из России. Попросился ночевать к бабушке! — я сбросил с себя одеяло и быстро поднялся на ноги.

Офицер окинул меня злым взглядом.

— Понаехали сюда обжираться, москали! Прочь отсюда, голодранец! — замахнулся он на меня нагайкой.

— Не троньте мальчика! — подскочила к офицеру старушка, пытаясь загородить меня от побоев.

Я быстро нагнулся и хотел схватить свой мешок, но тяжелый удар нагайкой с железным наконечником обрушился на мою голову. Я взвизгнул от невыносимой боли. Горячая липкая кровь залила мое лицо. Бандит с силою толкнул меня к порогу, и я вылетел во двор.

Из дома вывели учительницу. Она шла, низко опустив голову, еле передвигая ноги. Лицо ее осунулось и еще больше побледнело. Она повернула голову и посмотрела в мою сторону. На какое-то мгновение наши взгляды встретились. Невыносимая жалость кольнула мое сердце, я с трудом сдерживал слезы.

Что же придумать? Как спасти ее?

В доме продолжался обыск.

Теперь они долго там будут, пока все не разграбят. И мешок мой осмотрят. Пропал мой револьвер!

На крыльцо вышел бандит в студенческой форме.

— Э-э, да ты все еще здесь, собачий сын! — рука его потянулась к маузеру.

В один миг очутился я у плетня и, словно барс, перескочил в соседний двор. Ползком добрался до клуни.

«Тут и отсижусь! — решил я. — Уйдут бандиты, тогда вернусь за мешком».

Забравшись в угол клуни, я лег на разостланный козух, который, видимо, служил кому-то постелью.

В голове шумело, во рту было сухо и горько, горели лицо и запекшиеся губы. Непреодолимая слабость охватила меня, и я погрузился в забытие.

Долго ли я был в таком состоянии, не знаю. Очнулся я от давившей меня тяжести. Кто-то заботливо укрыл меня рядом. Слабость все еще сковывала мое тело, и мне почему-то казалось, что я уснул после большого похода.

Солнечные лучи струились в раскрытые настежь двери. Теплым светом был насыщен воздух. Хорошо было лежать.

Вдруг где-то тревожно забил колокол. Я подошел к двери и выглянул из клуни.

Люди толпами двигались по улице. Бежали босоногие мальчишки. Бешено скакали всадники, пыль из-под конских копыт вилась клубами. Вмиг я вспомнил все и в ужасе схватился за голову. Слипшиеся от крови волосы торчали комьями.

Послышались шаги, я увидел невысокого парня. Он был в большой соломенной шляпе, которую обычно носят селяне на Украине, и в чириках. Парень посмотрел на меня и

добродушно усмехнулся.

— Ще, хлопец, злякався банды?

— Да... — я растерянно скользнул глазами по его фигуре, соображая, как себя держать с незнакомцем.

— Иди до хаты! — сказал он. — Там жинка обмые!

На крыльцо вышла молодая женщина. Она пристально посмотрела на меня.

— Ой, ой, як же вин тебе измурдовав! Хай ему лыхо буде!

Наверное, она видела все, что произошло в соседнем дворе.

— Можно мне обмыться? — тихо спросил я хозяйку.

— Иди в хату, хлопчик, не бойся! — засуетилась она.

Я очутился в небольшой светлой комнате. Женщина сама принялась промывать мне голову. Затем она оторвала полоску чистой ткани и перевязала мне рану.

— Иди, хлопчик, выпей молочка! — ловким движением она отрезала ломоть душистого хлеба.

У меня засосало под ложечкой. Но опять слух мой уловил тревожный звон колокола. Я вздрогнул:

— Нет! Не надо! Спасибо, тетенька, некогда мне! — и я быстро вышел во двор.

В доме учительницы раздавались грубые голоса бандитов.

«Пьянствуют еще, не попасть мне в дом!» — я бросился на улицу.

Толпы селян с озабоченными, угрюмыми лицами все двигались и двигались по направлению к площади.

Слышались всхлипывания женщин, плач детей.

— Порубят всех! — покачал головой старичок в расстегнутой свитке.

— Ой, що ж це буде?

— Тише, молчите уж! — сказал кто-то тревожным полусшепотом.

«Бежать в отряд скорее!» — мелькнуло у меня в голове. Но тут же я понял, что все это будет напрасно. Бандиты не задержатся здесь. Как всегда, они сделают свое черное дело и уйдут подальше, чтобы остаться недосыгаемыми. Наш штаб далеко, верстах в двадцати отсюда, не добежать быстро. Нет, это не годится. Надо узнать, чья эта банда, проследить, куда она уйдет.

Народ толпами подходил со всех улиц. А колокол все гудел, тревожно, настойчиво.

У церковной ограды, под огромными вековыми дубами, на большом ковре стоял стол, покрытый цветной бархатной скатертью. Я продвинулся ближе и остановился в толпе, неподалеку от стола.

Спустя некоторое время четверо вооруженных бандитов внесли наскоро сколоченные из досок подмости, на которых торчал заостренный, точно карандаш, метровый кол. По толпе пробежал тревожный шепот.

— Едут, едут!

— Ой! Сам атаман Грищук! — высокая смуглая женщина заплакала, уткнув лицо в платок.

К площади двигалась ватага всадников. Впереди на стройном сером коне гарцевал одетый в синий военный мундир атаман банды Грищук. Косые лучи солнца переливисто играли на кавказской золоченой сабле.

Подъехав к столу, он легко соскочил с лошади. Небрежным движением руки бросил ей на шею поводья и тут же опустился на подставленный его адъютантом широкий мягкий стул.

Последний удар колокола смолк.

— Все готово? — снимая белые перчатки, спросил Грищук, — Готово, господин атаман!

Стоявшая впереди толпа мужиков отступила. Женщины с волнением и тревогой смотрели в сторону каменных лавок, где толпилась кучка спешившихся всадников.

Кивком головы атаман поздоровался с местными богачами. В ответ они с

подобострастными улыбками снимали шапки и низко кланялись.

— Ведите! — громко приказал атаман.

Один из офицеров бросился к лавкам. Спустя несколько минут показалась группа людей, окруженная конвоем.

Впереди, опираясь на руку высокого, в окровавленной одежде мужчины, шла, едва передвигая ноги, старушка. Кровь тонкой струйкой стекала по ее лицу, почерневшему от побоев. На спине висели клочья разодранной кофточки.

Подгоняемые ударами нагаек и прикладов, шли остальные арестованные.

— То ж новая учителька! — В ужасе крикнула одна из женщин, указывая на старушку.

В толпе послышались сдержанные рыдания, глубокие горестные вздохи.

— Бабушка! — невольно вскрикнул я. Хотел броситься к ней, но ноги мои не двигались. Я словно прирос к земле.

Перед столом арестованные остановились. Толпа замерла. Вперед выдвинулся тот самый бандит в черкеске, который арестовывал старушку. Он развернул бумагу и медленно стал читать приговор.

Когда я услышал слово «казнить», меня бросило в дрожь, на лбу выступил холодный пот. Я опустил руку за пазуху. Еще минута, и я бы выстрелил в атамана, но рука моя не нашла револьвера. Я вспомнил, что он остался в доме учительницы.

Народ заволновался, зашумел. Я вытер рукавом затуманенные от слез глаза и замер в ужасе. Верзила-бандит схватил старушку и потащил к помосту. Она отчаянно сопротивлялась, стараясь вырваться из цепких рук палача.

— Ироды, побойтесь бога! — послышался из толпы рыдающий женский голос.

Вопли, плач детей и женские крики прокатились по толпе.

Мужики, переступая с ноги на ногу, тяжело вздыхали, их руки сжимались в кулаки, лица мрачнели, глаза наливались кровью, но что они могли, безоружные, сделать?

Учительница порывисто обернулась к народу. Озаренная яркими лучами солнца, она стояла на помосте, величественная, гордая. Ее глаза загорелись таким гневом, что палачи невольно отступили в растерянности.

— Товарищи! — взволнованно зазвенел ее голос, ставший неожиданно молодым и сильным. — Враги казнят нас, большевиков, за то, что мы несем с собой правду человечеству!..

Атаман нервно вскочил с кресла.

— Замолчать!

Но учительница продолжала, задыхаясь и торопясь: — Немошь вы гадкая! Всех вас и вас, — энергично кивнула она головой в сторону кучки богачей, — ожидает гибель. Народ не простит вам. Советская власть победит!..

Раздался выстрел. Старушка вздрогнула, пошатнулась, схватилась рукой за грудь, струйка крови окрасила ее изорванную белую кофточку.

— Негодяи! Вы не нас, а себя расстреливаете! — расширенные глаза ее сверкали ненавистью.

Атаман выстрелил в упор. Сраженная второй пулей, она упала.

- Сади ее на кол! — Закричал атаман, и лицо его перекошилось от злобы.

Несколько бандитов подхватили мертвое тело большевички.

Толпа вздрогнула, загудела. Мужики с криками «Бей их, окаянных!» бросились к столу.

— Руби! — неистово закричал атаман и стал стрелять в толпу.

Два мужика упали как подкошенные. Толпа дрогнула, попятилась, спасаясь бегством.

Тогда Грищук что-то крикнул своим людям. Они повернули коней и, нахлестывая их нагайками, помчались вверх по большой улице. Через площадь бежал к своему дому, испуганно оглядываясь, рыжий толстый поп. То тут, то там раздавались выстрелы. Слышались душераздирающие крики:

— Ратуйте, ратуйте!

Площадь опустела.

Опомнившись от ужаса, я подбежал к месту казни. Рядом с телами большевиков лежали трупы двух крестьян.

— Бабушка, милая бабушка, я отомщу за тебя! — шептал я, рыдая от горя.

Но тут вдруг чьи-то сильные руки сзади схватили меня за плечи. Я вскрикнул от боли.

— Коробко! — едва проговорил я сдавленным голосом. — Коробко!..

— Узнал, разведчик! — вглядываясь в мое лицо, сказал бандит. Из его рта несло пьяным перегаром. — Попался! — он с силой встряхнул меня и ударил кулаком по голове.

В глазах у меня потемнело. Повязка на моей голове стала влажной и теплой.

— К атаману пойдешь, сучий сын! — бандит потащил меня за собой.

— Пусти! — старался я вырваться из цепких рук.

— Не уйдешь! — он с силой тащил меня за собой по центральной улице.

Как только мы подошли к калитке большого дома, вдруг кто-то неожиданно втолкнул нас обоих во двор. В ту же минуту Коробко судорожно вздрогнул и ахнул, руки его разжались. Сделав шаг, он покачнулся и тяжело рухнул на землю.

Не успел я опомниться, как ко мне протянулись руки человека с бородой, и я очутился за сараем. Бородатый человек взволнованно дышал, всматриваясь мне в лицо. В испуге я смотрел на него.

— Перепугался, дрожишь, — глаза бородача засветились знакомой лаской. — Не узнал, что ли?

— Ой, дядя Миша! — вырвалось у меня из пересохшего горла, я бросился к нему, схватил его за руки. Сердце мое забилось от радости.

— Измучился, бедняга! А бледный - то какой, лица на тебе нет! Коробко, что ли, угостил тебя так? — осматривая мою повязку, спросил он.

— Нет, не Коробко, офицер один из штаба Грищука нагайкой рассек!

— Постой, постой, а как же ты в Дубраву-то забрел? — удивился дядя Миша. — Может быть, ты ко мне с заданием? Или с кем в разведке? — спешил он с расспросами.

— Отряда тут нет, а я так, один. Хотел выследить Грищука... — и краска залила мое лицо.

— Выследить, говоришь, хотел? — усмехнулся дядя Миша.

Я коротко рассказал о встрече с двумя бандитами в балке, о фрау Криц, об аресте старушки-учительницы, но почему-то умолчал о причине моей самовольной отлучки. Дядя Миша тепло посмотрел на меня.

— Молодец ты, Сережа. Настоящим бойцом будешь! Не горячись, обдумывай все хорошенько. Жизнь твоя только начинается! — он вздохнул на мгновение, задумался. — Ты рассказывал про фрау Криц? Это хорошая женщина, наша.

Вдали послышались звуки трубы.

— Вишь, сбор заиграл трубач. Уходят, отвоевались самостийники с безоружными людьми!

Я посмотрел на дядю Мишу. Тут только я заметил, что он был высокого роста, широк в плечах. Красивые мужественные черты его загорелого лица с неугасимыми искорками в глазах выражали большую волю.

— Ну, что ж, сынок, пора и нам за дело. Серьезное дело предстоит нам. Вот только за тебя боюсь, слабоват ты.

— Я выдержу, не беспокойтесь, умру, а задание выполню!

— Вот умирать-то и не надо, от мертвых проку не бывает! Слушай дальше, что скажу. Беги скорее к озеру, вон туда, к большой дороге...

— Знаю, был там! — оживился я.

— Видишь, лошади пасутся? — продолжал дядя Миша. — Подберись к ним, да так, чтобы тебя не заметили пастухи, а то, чего доброго, могут избить. Выбери, какую получше, ноги распутай ей, да и скачи прямо в отряд. Как раз к вечеру будешь в штабе. Там скажи

«батьке» или Волкову: Грищук сегодня ночью собирает свою банду в кулацких хуторах, около Черного Яра. Помнишь, мы там однажды были, там еще за хуторами течет речонка Самарка?

— Помню, там топи кругом.

— Вот, вот. Штаб Грищука собирается гулять на хуторе богача Романенко. Тоже их человек, петлюровец. Сам я теперь в охране Грищука, с ним и буду в хуторе. С самого-то глаз не спущу. Удастся, так и сам ликвидирую атамана!

Лицо дяди Миши стало еще красивее и решительнее. Он сжал большую рукою эфес сабли и задумался.

Я залюбовался им. Он был похож на богатыря из сказки.

— Передай, что банда вся на конях и на тачанках! Всего сабель двести да шесть тяжелых пулеметов и сотни три гранат. Хорошо бы к утру успеть. Тут бы и шабаш им!

Минуту он помолчал, потом проговорил:

— Соскучился я по своим. Ох, как соскучился! — в его голосе послышалась печаль. — Ну, что ж, надо — так надо. Встретимся ли еще? Давай-ка обниму тебя на прощанье, сынок.

Он быстрым движением притянул меня к себе.

— Про меня скажешь только «батьке» и Волкову, больше никому, понял? — добавил он прерывающимся голосом.

Я кивнул головой.

— А теперь беги!

Я выбежал из калитки и помчался по улице. «Черный Яр, хутор Романенко, двести сабель, шесть пулеметов», — перечислял Я в уме, стараясь не забыть того, что сказал мне дядя Миша.

«А что же это мне так легко? — подумал я. — Да ведь нет мешка!» — я мысленно выругал себя за горячность и тут же свернул в переулок.

Женщины и ребяташки провожали меня удивленными взглядами.

Подбежав к дому учительницы, я нырнул в калитку. Дверь была распахнута. Осторожно прислушиваясь, я вошел в комнату. На полу валялись изорванные тетради, изодранный саблями волосяной матрац, битая посуда, окурки. Стены были голые.

Все забрали бандиты. И в ту же минуту я увидел свой мешок. Он был развязан.

— Обнаружили! — с замиранием сердца прошептал я и сунул руку в куски хлеба. — Здесь! Вот он! — я вынул вороненый револьвер.

С радостью я несколько раз покрутил барабан и спрятал оружие за пазуху. Потом выхватил из мешка кусок зачерствелого хлеба и, не задерживаясь больше ни на минуту, выскочил из дома и припустился к окраине села.

Широкое озеро, все в зарослях, слегка рябило от ветерка. Я оглядел берег и поляну. Никого не было. Лишь в кустах перекликались разноголосые птички.

Невдалеке послышалось ржание коней. Табун! Я подошел ближе и в тени зарослей увидел лошадей, которые отбивались от наседавших слепней.

Я осмотрелся по сторонам. Пастухов не было. Осторожно подкрался, схватил за гриву молодого рыжего коня. Он испуганно мотнул головой и попятился.

— Стой! Стой! — тихо уговаривал я забеспокоившегося коня, ласково поглаживая его по шее. Потом быстро снял путы с его ног и, приспособив их вместо повода, вскочил на коня, ударил его пятками в бока и пустил полным карьером.

Проскакав большое расстояние, я вдруг почувствовал, что вот-вот свалюсь с лошади. Руки задрожали, поводья опустились. Конь, словно поняв, что силы покидают меня, сбавил ход и стал отклоняться в сторону. «Утянет, утянет обратно, — подумал я, замирая от страха. — Тогда погибнет ведь все дело!» Мне захотелось закричать от обиды и сознания своего бессилия. Но даже этого я не в силах был сделать.

Очнулся я от прикосновения чего-то холодного к моим ногам. Речка! Конь смачно, с жадностью всасывал воду. Мне тоже сильно захотелось пить. Я потянулся рукой к воде и

стал жадно пить, цепко ухватившись за гриву коня.

Утолив жажду, я почувствовал себя лучше.

Успеть бы, только бы успеть! Я опять припустил коня вскачь.

Один за другим мелькали телеграфные столбы. Из-под копыт летела взбудораженная пыль. Во время этой бешеной скачки меня не покидало чувство приятного волнения. Ведь именно я, Сережка-разведчик, несу с собой тайну, от которой будет зависеть ликвидация неуловимой банды Грищука.

— Наддай, рыжий, наддай! — кричал я коню, натягивая повод и еще больше прижимаясь к гриве. И рыжий, точно поняв всю важность моей задачи, лишь иногда фыркал, но продолжал лететь, как птица.

Наконец вот оно, село... штабной двор. Я стремительно соскочил с коня и с чувством неудержимой радости обнял его мокрую шею. У коновязи красноармейцы занимались уборкой. Они удивленно посмотрели на меня, точно не узнавая.

Я радостно крикнул:

— Здравствуйте!

— Гм... Здорово! Откуда ты? — спросил старшина Кирсанов и подозрительно исподлобья оглядел мою одежду и коня, но я уже направился к штабу.

— Потом расскажу! — крикнул я на ходу, чуть не сбив с ног санитарку тетю Машу.

Постучав в дверь и, не дожидаясь разрешения, я быстро вошел в кабинет командира. Он сидел за большим письменным столом и рассматривал карту. Подле него сидел Волков. Лица их были озабочены. Когда я вошел, они почти одновременно повернулись ко мне. Я вытянулся по-военному. Глаза мои сверкали гордостью,

— Сейчас начну! — задыхаясь, сказал я, стараясь подавить волнение. Заметив, что командир сурово окинул меня с ног до головы непонимающим взглядом, я бойко начал:

— Вот! Сергей Величко прибыл из разведки и докладывает вам, товарищ командир отряда... Банда атамана Грищука сегодня утром в селе Дубрава порубила много большевиков, и еще каких! — Я перевел дух и откашлялся. — И комбедовцев, и потом двух мужиков и женщину.— Ух, что там было! — у меня задрожали губы.

— Садись, Сережа, ты едва на ногах держишься! Ранил кто тебя, что ли? И что это за одежда на тебе? — тревожно спросил Москаленко. — Садись!

Но я не двинулся с места и, теряя связь между мыслями, продолжал:

— Вот... и потом банда Грищука сегодня ночью сосредоточивается на хуторах у Черного Яра. У них более двухсот сабель, а в хуторе Романенко свадьба, что ли, будет. Еще шесть пулеметов у них и гранат много... Триста штук. Это все дядя Миша Кудрявый рассказал. Он теперь в охране у самого Грищука. Говорит: «Не то — так и сам ликвидирую атамана...» Вот... и еще бандиты казнили главную большевичку, бабушку-учительницу...

В этот момент я услышал, как страшный стон вырвался из груди Волкова. Голова его дрогнула и опустилась на руки. Командир тоже побледнел как полотно, глаза его расширились.

Я почувствовал, что к моему горлу подкатил комок. Я пошатнулся и, наверное, упал бы, если бы командир меня не поддержал. Он усадил меня на стул, заботливо влил в рот несколько глотков воды. Холодный пот каплями покрыл мой пыльный лоб.

— Ах, мама, мама! — шептал Волков. — Кто-то предал ее! — горе исказило его лицо.

Это его мать! Так вот оно что! Сердце мое болезненно сжалось. С неожиданным приливом ярости я вскочил со стула.

— Тревогу бейте! По коням! Сейчас порубаем всю банду!

Исчезло бессилие, мне хотелось тотчас же ринуться в бой, только бы отомстить за учительницу, за всех замученных. В сознании вспыхивали одно за другим события прошедшей ночи и дня.

— У-у! — вырвалось у меня из груди, и зубы заскрежетали от злости.

Москаленко прижал меня к себе.

— Успокойся, Сережа, нельзя так. — Он твердым шагом прошелся по комнате, потом

остановился у стола и позвонил в колокольчик. Вошел адъютант.

— Командиров эскадронов ко мне! — приказал Москаленко.

— Слушаюсь! — откозырнул адъютант.

Когда все командиры собрались, Москаленко, сдвинув густые седеющие брови, пытливо посмотрел на них. На всех лицах он увидел сосредоточенное ожидание. Командиры не могли не заметить изменившегося лица Москаленко.

— Товарищи, банда злодея Грищука учинила зверскую массовую расправу в селе Дубрава. Погибли коммунисты, комбедовцы, несколько крестьян, — его голос дрогнул. Несколько секунд он помолчал. — Через два часа мы выступаем! — продолжал Москаленко. — Нужно покончить с этой бандой, иначе мы не чекисты. Партия и товарищ Дзержинский не простят нам! — Он нервно откашлялся. — Банда Грищука имеет двести сабель и шесть пулеметов. Наш хлопчик Сережа принес эти данные! — указал он на меня.

Я покраснел и заерзал на стуле. Командиры улыбались.

— Молодец, сынок! — послышались одобрительные возгласы.

— А теперь по местам! — сказал Москаленко. Он посмотрел на часы, засек время.

Командиры стали расходиться.

— Ты останься, — сказал мне Москаленко. — Так, говоришь, Михаила Кудрявого видел и он сказал, что сам уничтожит Грищука. Так?

— Да, дядя Миша сказал. А Ваську Коробко он уже кок-нул.

— Так, так... Ты слышишь, Николай Сидорович? — обратился он к Волкову.

— А?... Да, слышу.

— А ведь мы тоже с тобой виноваты. Давно бы мальчонку следовало послать для связи к Кудрявому.

Волков неуклюже поднялся со стула, привлек меня к себе и крепко прижал к груди.

— Вот ты какой! Ну, не сердись на меня, Сережа. Погорячился я тогда.

К нам подошел Москаленко.

— Сережа, иди в санитарную часть. Пусть положат тебя в лазарет, ты устал и болен.

— Ничего я не болен и не останусь!

— А если в бою силы откажут? Погибнешь ведь.

— Не откажут. Я отдохну.

... К часу ночи отряд сосредоточился у леса Черный Яр. Москаленко распределил участки между четырьмя эскадронами так, чтобы банда в случае отхода попала в болотные топи и увязла там.

Командир отряда повел особый взвод к хутору петлюровца Романенко.

Кони в темноте привычно ступали по высокой мягкой траве, обходя кочки. Верстах в трех от хутора мы замаскировались в кустарнике. Взводы первого эскадрона двинулись дальше, к реке Самарке, и, спешившись, разбросались мелкими группами, закрыв банде выход к броду. Пулеметный эскадрон тоже разделился повзводно и повернул свои тачанки к бою, чтобы отрезать бандитам отход по балкам в гущу леса Черный Яр.

Спустя час подъехали связные от эскадронов с донесением о готовности к бою.

До отряда доносились нестройные голоса песенников. Взвизгивала гармонь, иногда вырывались уносимые ветерком пьяные крики разгулявшихся бандитов.

Москаленко нетерпеливо поглядывал в ночное небо, ожидая рассвета. Скоро повеяло сырым болотным запахом. Предрассветный ветерок зашелестел листьями на деревьях, воздух стал наполняться туманом, а уже спустя некоторое время туман стеной закрыл всю местность. Москаленко забеспокоился, Опушки леса и балки стали невидимы. В таком положении можно было ожидать неприятного исхода.

— Главное — не дать бандитам прорваться балками в лес, — сказал Москаленко,

— Товарищ командир, — тихо обратился я к нему, — я пешком подойду к хуторам и разведу все, точно все узнаю,

— Нет, сынок, нельзя, — мягко ответил командир. — Это теперь пользы не

принесет. При таком тумане каждый малейший шорох вызовет тревогу, и операция будет сорвана. Да и времени у нас нет. Все теперь зависит только от нашей слаженности в бою.

Где-то далеко раздался одиночный выстрел.

Томительное ожидание. Минуты казались часами.

Туман, разгоняемый ветерком, начал редеть. Посветлело. Где-то совсем близко закричал, хлопая крыльями, петух, замычала корова. Бойцы переговаривались шепотом.

Подъехал начальник штаба Слобейко.

— Товарищ командир, поближе к хуторам тумана нет, я только что оттуда, в балках — тоже. Здесь туман поднялся с болота. Можно начинать операцию?

— Да, пора! — взглянув на небо, проговорил Москаленко. — Главное теперь — внезапность! Ну, хлопчик, — обернулся он ко мне, — береги себя. А то лучше бы ехал с санитарным обозом? Бледный ты, больной ведь, а упрямисься.

— Нет, с вами! — твердо ответил я и почувствовал, как волнение охватило меня.

— Ну, не горячись, повод держи крепче, а то утянет тебя Орлик за бандитскими конями. Да револьвер не потеряй. Митя, — обратился он к вестовому, — вот Сережа с нами, ты гляди за ним, не отпускай его от себя, саблей он не работает, слаб еще. Ну, смотри, береги!

— Слушаюсь!

— Да, вот еще... — он не успел закончить: раздался оглушительный взрыв, и гулкое эхо покатилося по сырому яру.

Застучали пулеметы, затрещали ружейные выстрелы. Лошади вздрогнули и насторожили уши. Вытянулись от напряжения и лица бойцов. Озноб пробежал у меня по спине.

— Что такое? Что это за взрыв? — встревожился Волков.

— Дать сигнал к бою! — последовал приказ Москаленко. Пулеметчик нажал на гашетку. Звучно прострочили три короткие очереди «максима».

— Шашки к бою! За мной, марш, марш! — скомандовал Москаленко.

Вмиг блеснули сабли, и стук копыт заглушил стрельбу.

Орлик вздрогнул. Шея его вытянулась, он прыгнул через кочку и понесся вслед за командиром.

Спустя несколько минут мы подскакали к поляне. Где-то близко послышался топот мчавшихся лошадей. Раздалось «Ура!». Застрочил пулемет. Наконец мы выскочили к хуторам. В ту же минуту с пьяными криками на нас бросилась ватага конников. Они крутили саблями, казачьи башлыки развевались по ветру.

Не успел я опомниться, как вперед на ураганном карьере вылетел Москаленко. Его жеребец выделялся своими огромными белыми пятнами на темно-коричневой масти. За ним вихрем помчались бойцы особого взвода. Закипела схватка.

Передо мной рухнула чья-то лошадь. Орлик отскочил в сторону, едва не сбросив меня. В ту же минуту Москаленко с силой взмахнул саблей в сторону, и с коня свалился на землю усатый бандит. Еще удар — и второй бандит опрокинулся на круп лошади.

— Ур-р-а-а! — слышалось всюду. Сабли со свистом прорезали воздух.

Справа, за мелким кустарником, загорелся сарай. Дым расстилался по ветру. Крики, стоны, храп и дикое ржание лошадей неслись по поляне. Опять забил тяжелый пулемет. Бандиты дрогнули и шарахнулись в сторону леса. Круто повернулась наша тачанка, звучно захлебываясь, забил пулемет, обливая бандитов шквальным огнем. Они заметались в отчаянии, но, поняв безвыходность своего положения, ринулись в лобовую атаку, прямо на Москаленко.

— Сережа, смотри! — услышал я отчаянный крик позади себя.

Я оглянулся: надо мной нависла сабля бандита. Увернувшись от удара, я выстрелил в упор. Но тут мой Орлик всхрапнул и рухнул на землю. Сабля резанула его прямо поперек позвоночного хребта. Вместе с ним упал и я. Моя нога оказалась придавленной. Орлик

вздрагивал, кровь окрасила его шерсть. Митя осадил коня и соскочил подле меня. Помогая освободить придавленную ногу, спросил:

— Ранен?

— Не... не знаю, — я застонал от сильной боли.

Снова заработали пулеметы, доносились крики «Ура!», топот, ржание лошадей, звон от ударов оружия. Все слилось в один сплошной нестройный гул.

Сгоряча я вскочил. Митя прыгнул в седло и помчался в атаку. Бой опять разгорался. Бойцы рубились не на жизнь, а на смерть.

Подскакала санитарная двуколка, в ней уже были раненые. Санитары подхватили меня и отнесли в повозку. Но не успели мы отъехать, как из-за кустов на нас бросились двое всадников. Пьяные, они что-то кричали охрипшими голосами. Один здоровяк в черной лохматой шапке, размахивая саблей, уже настигал нашу двуколку. Я взглянул на него, и лицо его показалось мне знакомым.

— Ой, палач! — задрожав от ярости, я вскочил на колени и вытянул руку. Раздался выстрел. Бандит мгновенно подскочил на седле и тут же опустил на шею лошади. Рыжий конь его шарахнулся в сторону.

— Ура! — закричал я от радости во всю мочь.

Другой бандит порывисто свернул вправо и прыгнул через канаву, но тут же его настигла сабля Мити. Бандит вскрикнул и, как камень, рухнул вниз. Конь, оставшись без всадника, дико заржал и бросился к лесу.

— Митя! Это ты? — крикнул я обрадовавшись,

— Молодец, Сережа! — ответил он и поскакал вперед. Трясясь по кочкам, двуколка, наконец, выехала прямо к

хутору. Бой утихал. Беспорядочные выстрелы отдалялись. Где-то у болот полыхнула пулеметная очередь, и послышалось замирающее «Ура!»

У крыльца большого дома, на обширной лужайке, покрытой высокой травой, стояли бойцы с обнаженными поникшими головами. Седые волосы Москаленко шевелились от ветра. Почуввав недоброе, я, пересиливая боль, вылез из двуколки и, хромя, медленно подошел к своим товарищам. Сердце мое сжалось.

— Дядя Миша! — вырвалось у меня, и я затрясся, как в лихорадке.

Распластавшись на траве, лежал с изуродованным лицом дядя Миша.

Да, он выполнил свой долг чекиста. Заметив предрассветный туман, он понял, что отряду в такой обстановке будет трудно провести операцию. Грищук же, как после показал случайно уцелевший его ординарец, тоже поджидал, когда рассеется туман, чтобы уйти с этого места, и отдал банде приказ стянуться.

При дознании ординарец также рассказал, что Михаил Кудрявый спокойно вошел в большую гостиную, где пировали атаманы, и с криком «Смерть врагам народа!» метнул на стол связку гранат.

Атаман Грищук и его сподвижники были уничтожены взрывом.

Погиб и совершивший этот героический подвиг донбасский шахтер коммунист Михаил Кудрявый.

На другой день мы хоронили своих товарищей, погибших в бою.

Прошел еще день. Москаленко созвал в штаб командиров и политработников. Вызвали и меня.

— Ну, сынок, — сказал мягко командир, — за твой подвиг ты заслужил награду. Так думают все.

Он многозначительно посмотрел на командиров. На их усталых лицах появились улыбки.

— Без коня я теперь остался, — растерянно проговорил я и потупился.

— Коня мы приготовили тебе. Хорошего коня! А вот другое соображаем, чем тебя наградить. Чего бы ты хотел, а?

— Можно мне в Коммунистический Союз Молодежи вступить? Мне уже исполнилось

пятнадцать лет, — неожиданно для себя выпалил я.

Все переглянулись. Москаленко встал, быстро подошел ко мне и положил свои сильные руки на мои плечи. С минуту он смотрел мне в глаза, потом с волнением в голосе сказал:

— Да ты, оказывается, совсем зрелый парень. Я этого за боями и не заметил. Ты прав, сынок! Действительно, это самая лучшая награда для тебя, — он обнял меня и по-отечески поцеловал,

... Было раннее утро. Бойцы собрались на, поляне небольшой рощи. Собрание открыл вестовой Митя. Он был секретарем ячейки комсомола отряда.

На разостланных бурках сидели командиры, а подле них — бойцы.

Сдерживая сильное волнение, я рассказал им о своей маленькой жизни и первой самостоятельной разведке против бандита Грищука.

Митя вручил мне комсомольский билет. Все тепло поздравили меня.

Солнце ярко светило. Я подошел к братской могиле, где лежали учительница-большевичка, дядя Миша и остальные, и сказал:

— Клянусь носить имя юного коммуниста так же честно, как носили его вы, отдавшие свою жизнь за Советскую власть!

Так с этого дня, 17 августа 1920 года, я стал комсомольцем, а потом коммунистом. Имя это я ношу с гордостью всю свою жизнь.